

знаниям в нашей стране, в Академии наук, во всей нашей системе образования и воспитания. Главное, что мы сумели сделать за последние годы, — это критически оценить (да и то еще не до конца) как положительный, так и отрицательный опыт, накопленный нашей гуманитарной наукой.

В центре внимания находятся сейчас вопросы, которые раньше либо совсем не ставились, либо получали однозначные ответы, подкрепленные догматизированным, стереотипным толкованием марксистско-ленинской теории. Наши ученые активно включаются в разработку различного рода программ, предложений, планов переоценки, восстановления и развития культуры. Они участвуют, например, в составлении программы эстетического воспитания, выработке новой концепции культурной политики, в создании различных фондов; участвуют в работе комиссий Верховного Совета СССР и т. д. Иными словами, меняется отношение к месту и роли ученых в процессе развития нашего общества. Из наблюдателей и комментаторов они превращаются в экспертов, участников выработки политических решений. С их мнением начинают считаться, к их голосу — прислушиваться. Однако процесс активного включения науки в практику идет еще пока далеко не гладко. Слишком велика инерция административно-бюрократического управления.

Многие начинания наталкиваются пока на большие трудности. Сложные ситуации возникали с созданием Фонда славянской письменности, в работе над Русской энциклопедией, с реализацией программы эстетического воспитания и т. д. Можно сказать, что из всех инициатив такого рода, предпринятых в последнее время, лишь Советский фонд культуры оправдывает свое назначение и прежде всего потому, что руководит им акад. Д. С. Лихачев. Вообще личность ученого, его авторитет играют немаловажную роль в осуществлении тех или иных начинаний. Надеемся, что и Ассоциация культурологов, созданная недавно при Фонде культуры под председательством С. С. Аверинцева, окажется не мертворожденной. Механизм торможения сегодня, к сожалению, продолжает оказывать свое воздействие не только в социально-экономических сферах жизни, но и в нашей культуре и науке о ней. Последствия его влияния оказываются для культуры не менее, если не более губительными, чем для сфер экономики и материального производства.

Одно лишь преодоление «остаточного принципа» в финансировании культуры, гуманитарных наук не может вывести их из кризисного состояния. Должно быть в корне пересмотрено отношение к ним. Прежде всего следует иметь в виду, что культура — это не «отрасль» государственной деятельности, общественной жизни, чуть ли не народного хозяйства (как по существующему у нас шаблону ее было принято именовать). В современных условиях она является приоритетным фактором. Ведь если человек есть мера всех вещей, то культура — мера очеловеченности мира. Она — форма, способ существования и выражения самосознания общества и личности. Таков основной критерий прогресса, буквально выстраданный человечеством. Если в прошлом акцентировалось положение, согласно которому культура рассматривалась прежде всего как продукт социальных отношений, то теперь она все больше осознается как динамическая сила, формирующая жизнь общества, оказывающая громадное, а в ряде отношений решающее воздействие на состояние и развитие всей совокупности общественных отношений. В связи с этим общественный прогресс во многом оказывается в зависимости от прогресса культурного. Такая постановка вопроса отнюдь не отрывает развитие культуры от базисных отношений в обществе, но акцентирует высокий статус и роль культуры в нашей жизни.

Из сказанного ясно, что гуманитарные науки и их сердцевина — литературоведение, языковедение, фольклористика, искусствознание — в настоящее время приобретают особое значение, а труд ученых-гумани-